

## ИСТОРИК, ПОЭТ, ПРОЗАИК

*200 лет Николаю Костомарову*

«Местоположение, где лежала усадьба, в которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рекою, текущею возле самой усадьбы, усеянной зелеными островками и поросшей камышами, возвышались живописные меловые горы, испещренные черными и зелеными нивами. И под ними расстился зеленый луг, усеянный весною цветами...» — так пишет историк Николай Костомаров (1817–1885) о своей малой родине — слободе Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии.

Его отец — отставной суворовский воин, участник альпийских походов, питал слабость к рожденному от дворовой крестьянки сыну. «Незаконнорожденному» вместе с его матерью была предоставлена возможность без утеснения жить на усадьбе. Более того, отец уже собирался усыновить десятилетнего мальчика, как разразилось несчастье. Родитель поехал на прогулку и не вернулся. Был убит дворовыми, считавшими себя обиженными баринном и давно зарившимися на его шкатулку, которую он всегда возил с собою. Пущенный дворовыми слух, что кони понесли

дрожки с крутой горы в луговую тряси-ну, и барин расшибся насмерть, разоблачен был не сразу.

Сын с матерью на время оказались в положении более худшем, нежели просто дворовые. По счастью, будущему историку и писателю не дано было иссохнуть, как хрупкому растеньицу, в полевой глуши. «Меня отвезли учиться в Воронежский пансион... Пансион находился в то время в доме княгини Касаткиной, стоявшем на высокой горе на берегу реки Воронеж, прямо против корабельной верфи Петра Великого, его цейхгауза и развалин его домика». Когда же, год спустя, пансион переведут ближе к Девичьему монастырю, поэтически чуткой душе и здесь достанет, чем жить: манил большой сад, по утрам «нежный колокольный звон будил учеников в их постелях». Пансиона подросток не окончил, однако на два года еще вернется в Воронеж и в 1833 году завершит гимназический курс.

Ему нет и двадцати, как он заканчивает Харьковский университет. Нет и тридцати, как он адъюнкт кафедры Киевского университета. Сын Слобожанщины — чуткий сын и всего славян-

ского мира. Он один из главных в Кирилло-Мефодиевском братстве, которое уповает на федерацию вольных славян. Судьба разворачивается жестоко. Кирилло-Мефодиевское братство подвергается разгрому. Костомаров, как и другие его участники, арестован. Год в Петропавловской крепости. Далее — долгие годы в поволжской, саратовской ссылке.

Жизнь после ссылки — насыщенная трудами жизнь ученого. Выходят книги — о Богдане Хмельницком, Степане Разине, Мазепе, Смутном времени. Он пишет об Украине, Польше, России, о Запорожской Сечи — «христианской казачьей республике», о «древнерусском народопрравстве». Он отдает много

времени древнехранилищам, ездит по стране, посещает почти все славянские столицы, европейские земли.

А как же Юрасовка, где он родился, где прошли его детские годы и где в юности он заслушивался малороссийскими песнями и записывал их? В последний раз он был здесь в 1845 году — как забирал мать к себе в Киев. С той поры больше на воронежской земле не появлялся. Но Юрасовку всегда помнил. На завещанные им деньги в слободе в девятнадцатом веке была построена и открыта школа, которая верой и правдой служила просвещению и весь двадцатый век.

Виктор БУДАКОВ

\* \* \*

**Н**аша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не ранее второй половины XI века и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, — основы, без которых, собственно, для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожа, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах — укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собою племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славянорусские племена управлялись своими князьками, вели между собою мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т.п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов; а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неяс-

ные представления о существовании человека после смерти: замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т.е. в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, приготавливать кушанья и напитки — пиво, мед, брагу, ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно; но сношения с Византийской империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние.

Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские, после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед затем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и вносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла святое крещение. Все это, однако, были только предуготовительные явления. При князьях так называемого Рюрикава дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и до некоторой степени, подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцов, жадных к грабежу и убийствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей — на области Византийской империи, на восточные страны — прикаспийские и закавказские. Цель их была — приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань, и, чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду с своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев, и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которою из Византии — самой образованной в те времена державы — перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его мало нам известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые, при всей своей скудости, все-таки доста-

точно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сыном воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказских народов: ясов и кософов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был, после упорной защиты, уступить ее греческому императору. На возвратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе с своим дядею Добрыней, братом его матери Малуши, клячицы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началось междоусобие. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядею убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь Рогволода, князя полоцкого, Рогнеда, которой руки просил Владимир, отказала ему такими словами: «Не хочу разуть (разуть жениха — обряд свадебный; разуть — вместо выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед затем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно более черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представив того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большою достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом, он повелевал Новгородскую землю — берегами рек: Волхова, Невы, Мсты, Луги, — землю Белозерскую, землю Ростовскую, землю Смоленскую в верховьях Днепра и Волиги, землю Полоцкою на Двине, землю Северскую по Десне и Сейму, землю полян, или Киевскую, землю Древлянскую (восточную часть Волыни) и, вероятно, также западной Волынь. Радимичи, жившие на Соже, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отделиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое собирание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев-скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им в управление города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чер-



Николай Костомаров



Памятник великому князю Владимиру в Москве

тами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анною, сестрою императоров Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуне, или Херсонесе, греческом городе на юго-западном берегу Крыма: и оттуда Владимир привел в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с наружным принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась пассивно: продолжительным соблюдением языческих приемов жизни и сохранением языческих суеверий: такая борьба происходила многие века после Владимира; но она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, так называемую Десятинную, названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новоприня-

той веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этою целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом, на Руси, в какие-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религиею образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу, и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпускаая детей в школы, плакали о них как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев, и хотя сначала согласился было на увещание корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, с совета бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежною пенею — вирую, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом — и с старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимире, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киева. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель — не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мстите мосты», — приказывал он; но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.